

Мартынов Владимир
(инюзор Федосеев)

06.04.06

ЮБИЛЕИ

моск. комсомолец - 2006 - апр. - с. 5

И по фигу ему эти юбилеи. Кот, вылезающий из-под кровати. Связка книг на полу. Недолгое отсутствие дома жены — известной скрипачки Татьяны Гринденко. Окно с видом на костел Девы Марии. Телефон с определителем, на звонок которого почти не отвечает, долго всматриваясь в номер...

— Вас часто представляют таким «доктором Смерть» — дескать, не раз провозглашали смерть музыки...

— Смерть композиторской музыки — да. Ошибочно считать, что западноевропейская практика, давшая миру такие высокие образцы, как Бетховен или Малер, — это квинтэссенция музыки вообще. Вспомните древние культуры Египта, Греции. Или григорианские хоралы. Или современную традицию Индии или Китая — это принципиально устные бесписьменные импровизации, и никакого композитора.

— Бесписьменная-безнотная? Без фиксации для потомков?

— Да претензия к письменности — как раз в том, что она разрушает память! А в устных практиках уже заложены особые мнемонические законы, и мощнейшие: как монахи, поющие на службах, наизусть знали все Священное Писание, веками передавая его из уст в уста. Устное хранение информации — самое надежное.

— По-вашему, фигура композитора девальвировалась?

— Полностью. Я никакой не «доктор Смерть» — просто идет смена понятий. Композиторская музыка стала маргинальной во всех смыслах — те же джаз или рок куда более социально востребованы. Ведь Пол Маккартни — не композитор. Это, скорее, этнографическая фольклористика. К тому же появление звукозаписи сделало фиксацию музыки доступной и для человека, не обладающего навыком письма.

— Ну хорошо, а как относиться к Кейджу, написавшему 4'33'' (четыре с лишним минуты пианист не прикасается к клавишам рояля), к Малевичу и его «Квадрату», Уорхолу и его шелкографичным «Монро»?

— Все эти люди — фигуры номер один. Они-то и произнесли настоящее «Слово»! «Черный квадрат» — вечный жест. Как египетская пирамида. А Энди Уорхол вывел истину, что жест должен нести не только художественное качество, но и коммерческий успех. Кейдж... Его 4'33'' в 70-е годы мы исполняли много раз. И не только в фортепианном, но и в ансамблевом варианте, когда молчали 20—30 человек.

— В выражениях советской системы тоже присутствовал авангардный жест — минута молчания.

— Только почему-то каждый раз она забивалась «Грезами» Шумана. Помните у Хармса: «400 воинов, 400 воинов 400 суток молчат. 400 суток, 400 суток над мертвым часы не стучат». Это не советская выдумка. Но в 70-е годы свободы было гораздо больше, чем сейчас. Потому что свобода — это не тогда, когда ее дают, а когда есть люди, способные осуществлять свободные поступки.

— Сейчас?..

— Таких людей нет. Вот говорят: «Нам дали свободу» или «Грузия — маяк свободы». Что это? Пустой звук. Знаете индусскую кастовую систему? Брахманы (жрецы), кшатрии (воины), вайшии (земледельцы-финансисты), шудры (слуги). Можно разглядеть в этом ряд этапов истории. Условно. Время брахманов — первое тысячелетие: время становления Церкви. Кшатрии — крестовые походы. Вайшии — производительные силы, накопление материальных и духовных ценностей (от Возрождения до XIX века). А сейчас... вот отвратительность этого «сейчас»: время шудр. Слуги повсюду занимают господствующее положение, не будучи к нему изначально способными, ибо они безынициативны. Призваны только испол-

...Звоню в дверь. Удивление сразу: человеку — 60, а если сбрить бороду — 20-летний юноша: странный эффект «портрета Дориана Грея». Острые глаза, свежие мысли. Его не поздравили Путин телеграммой с орлом. Толпа «корифеев» не поднесла ему трясущимися ручонками букет алых роз. Участь авангардистов — слушать тишину, а не восхваления в свой адрес. Массы его, скорее, не помнят по музыке к «Михайло Ломоносову» и «Холодному лету 53-го». Немассы побывали на фестивале его имени в клубе «Дом»; вспоминали о его знаменитой рок-группе «Форпост» образца 1977 года (когда он отвернулся от традиционной плеяды Шнитке—Денисова—Губайдуллиной и прочих). О «Ночи в Галиции» и «Плаче Иеремии» — экспериментах последних 20 лет... Провоцировал — вряд ли, но будоражил всегда.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ АВАНГАРДА

Композитор Мартынов: «Бродского благословила Ахматова, а меня — Стравинский»

PHOTOPRESS

нять волю других. Поэтому-то и настоящей власти нет. Есть власть, использующая идею власти. Уже в 60-е исчезли все политики-харизматики — Кеннеди, Хрущев, Де Голль. Нынче же — абсолютно безликие люди. Тот же Буш, по признанию американцев, самый непродвинутый, туповатый, необразованный президент. Но... он изменил лицо мира так, как не удавалось иному харизматику.

Мне еще мой учитель Сидельников в консерватории говорил: «Ты учти, что живешь во время Второго сорта. Когда про Первый сорт уже никто не знает...» А это были 60-е.

— Значит, сейчас уже Третий? Равнозначно — и в музыке, и в других видах искусства?

— В XIX веке музыка была явным идейным локомотивом: вспомнить хотя бы Вагнера и его попытку синтеза литературы и театра вокруг музыки. Из этого вышли и Бодлер, и Ницше — не важно, кто высказывал восторг, а кто отрицал. Их идеи сплетались вокруг одного целого. В середине XX века ведущее положение — за изобразительным искусством: Кабаков, Уорхол, Бойс. Музыка шла с запозданием. К тому же по своему опыту скажу, что музыкальное сообщество — самое тухлое из сообществ. Эти люди наиболее не рефлексирющие, не актуальные, не отдающие себе отчета, как меняется мир. А зачем Хворостовскому рефлексировать, если за его концерт слушатель платит по 700 долларов?

— Может, одна из причин — в том, что музыкант долго учится, долбит по столу раз одну и ту же гамму...

— Может, и так. Эти люди если и не умственно отсталые, то адекватно отсталые. Некогда книжки читать. По 150 концертов в год, пеезды...

— Каков же исход «времени шудр»?

— Смысл одного из моих последних про-

тальном осознании своего истинного местонахождения заложена надежда на Спасение. Ведь можно в этом купаться и считать, что все хорошо. Если заблудившийся человек не осознает, что он заблудился, то и выхода искать не станет. А выход один: начало пути. Помните, у Велимира Хлебникова: «И когда земной шар, выгорев, станет строже и спросит «кто же я?», — мы создадим «Слово о полку Игореве» или что-нибудь на него похожее...» Земной шар должен полностью выгореть. Должно прийти состояние нового общения с реальностью.

— Знаете авангардного художника Олега Кулика? Давно ли он шокировал своей «собакой»? Давно ли голышом вставал на четвереньки? А сейчас в осознании людей — это «в доску наш Кулик», «борец», «уважаемый и заслуженный»... Прямо академист. Не хватает только «народного художника России» получить.

— И получит! Нынче эстетическая платформа истощается за 3—4 года. На смену ей приходят более радикальные веяния. А прежние жесты художника — хочет он того или нет — неизменно идут «в зачет» и заносятся в культурный архив. И эта «архивная мясорубка» куда мощнее, чем отдельные жесты художника. А с той стороны архива не окажешься. Не сможешь сделать что-то, выбивающееся из рамок системы производства-потребления.

— Ну хорошо. Есть же сейчас Плетнев, Федосеев, Башмет. Мировые имена. В чем же их миссия?

— Талантливые люди — да. Но в их творчестве нет внутренней необходимости, понимают ли? Полная потеря актуальности. Я немолодой уже человек. И слышал Глена Гульда, Юдина, Софроницкого, Рихтера, Караяна, Горюхи. Ту еще плеяду. И это были титаны. Вот говорят: прошло время великих исполнителей. Почему? Гидон Кремер по техническому или интеллектуальному оснащению, может быть, и выше, скажем, Ойстраха. Но он никогда не сравнится с ним ни по социальной значимости, ни по внутренней оправданности... Люди, которых вы называете, это посткараяновское поколение исполнителей, уже порченное и больное внутренне. Это звезды. А звезда — это приговор.

— И Евгений Кисин?

— И он тоже. Сегодня он. Завтра другой. Индустрия: маховики крутятся.оборот — Хворостовский с билетами за 700 долларов, другой

оборот — эти три клоуна — Каррерас, Доминго, Паваротти...

— Они уже вместе не выступают.

— Не выступают, карманы-то набив. Не только набили, но и вкус испортили музыкальный начисто. Мозги поплыли у людей. Еще Шёнберг говорил, что «публика — это враг музыки номер один». Поскольку она диктует свой вкус. Но сейчас первый враг — это исполнители. Как Анна-Софи Мутер. Публичные люди, обязанные нравиться.

— Значит, ситуация концерта тоже не актуальна?

— А это еще один порок академической музыки, потому что на концерте приостанавливается вся жизнедеятельность. Музыка выпадает из форм бытия, образуя отдельное эстетическое пространство. Для меня концерт — штука невыносимая. Все сидят, боясь пошевелить программкой. Возьмите джаз — совсем другое дело. Изначально практиковался в кафе под шум посуды и звон бокалов. Вот и возникает в ответ на академизм рок, поп, музыка дискотек. Именно там и надо искать ростки новой музыки.

— Неужели?

— Вот перед нами такая фигура, как диджей. Он приходит с двумя портфелями не своих пластинок. И на их основании делает какие-то манипуляции — заведомо без всякого авторства! Это абсолютно постмодернистский жест. Четкое осознание себя вторичным, отказ от своего языка. Но эти манипуляции продлевают музыке жизнь... И любой диджей мне гораздо ближе, чем Шнитке, Денисов или Губайдулина.

— Так и хочется спросить: «Из чего же вы сделаны, господин Мартынов?» Помните, у Гринюзы в «Не Моцарте» боги делают человека — немного алкоголя, ужаса, мочи, две линзы, шкивы...

— Из мочи?

— Ну, не так буквально. Слышал, вы встречались со Стравинским.

— Он меня благословил. Знаете, в искусстве принято, что какие-то настоящие вещи передаются путем «шаманского прикосновения». В разных формах. Пушкина благословил Державин...

— Поцелуем?

— Или убегаем от поцелуя. Бродского — Анна Ахматова. Вознесенского — Пастернак. А меня — Стравинский. И было это в 60-х. Мне —

всего 17 лет. Он для меня — царь и бог.

— Небольшого роста, с длинным носом, улыбался — рот до ушей...

— Марсианин! Я тогда еще не видел эмигрантов. Как он говорил... Это было неслыханно! Говор русского дореволюционного человека. Маленький, старый. С аурой ироничного гения. Не того гения, как обычно Моцарта рисуют — статного, красивого. А другого... знающего себе цену, знающего, что такое гений вообще. Он жаловался, что страдает диареей. И особенно перед тем, как пора выступать. А лекарства не помогают. Так вот, именно с этой встречи я страдаю тем же самым. До этого не было!

И с Кейджем встречу помню. Пошли в гости к Саше Ивашкину, а перед тем Кейдж (ботаник по специальности) наварил на московских улочках целый пакет каких-то трав. Приготовил нам, все это съели.

— Зачем пошли в церковь? Насколько я знаю, в 70-х вы преподавали в духовной академии Троице-Сергиевой лавры.

— Это был серьезный шаг: полный отказ от любой культурной деятельности. Отказ от написания музыки. Даже от кино. Только пел на клиросе и документально реконструировал службы XVI—XVII веков. Потом даже целый курс пения вел. Но неожиданно внутри самой церкви начались изменения. То, от чего я в церковь ушел, к тому церковь сама вдруг пришла — к музыкальным концертам, аплодисментам, записям, безобразным фестивалям духовного пения. То, что предназначено сугубо для служебной практики, выносилось на широкую публику. Когда-то я думал, что картина Перова «Чаепитие в Мытищах» — это безобразная антирелигиозная агитка. Да это детский лепет по сравнению с тем, что видно сейчас, — одно лишь безграничное стремление к наживе.

— Видел однажды жену вашу, Татьяну Гринденко, на репетициях у Любимова. Какой-то музыкант сфальшивил, она ему: «Сейчас на деньги поставлю!» Как вообще возможен ваш союз, союз столь неугомонных людей?

— И сам удивляюсь. Но, наверное, только так и можно. Должен же быть какой-нибудь допинг. 30 лет уж вместе. А я далеко не сахар. Ей-то больше достается. Потому что она, ко всему прочему, еще и хороший человек, а я все-таки не особенно...

Ян СМЕРНИЦКИЙ.